

УДК 2-184.3
ББК ЭЗ-420

ДИСКУРСЫ О ВЕРЕ И РЕЛИГИИ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «НАУКА И РЕЛИГИЯ» (1985–1991 гг.)

Е.Г. Сосновских

Предлагается анализ дискурсивных практик о вере и религии на страницах журнала «Наука и религия». Исследование материалов журнала позволило объяснить модели поведения акторов государственно-конфессиональных отношений, формировавшихся в период трансформации общественного сознания. В рамках представленного материала дискурс о вере является точкой пересечения дискурсов науки и религии. Новые подходы к позиционированию религии привели к формированию её положительного образа и способствовали их включению этого феномена в сознание масс.

Ключевые слова: дискурс; дискурсивные практики; модели поведения акторов, верующие, журнал, вера, религия.

Религия и наука представляют собой типы мировоззрения, один из которых в определенный период истории человечества выдвигается на первый план общественной жизни. Впервые проблема согласованности науки и религии была затронута в Античный период, хотя сами термины «наука» и «религия» понимались иначе и основной акцент был сделан на взаимоотношения логоса и мифа. В Средние века был сформирован иной подход, в рамках которого христианство рассматривалось как «сверхрациональное начало». Новое время ознаменовало поворот к позитивной науке, размежевание науки и религии было окончательно завершено. Таким образом, вся человеческая история – есть взаимодействие, а порой и борьба, этих мировоззренческих позиций.

Советская власть старалась вытеснить религию на периферию общественной жизни. Была развернута широкомасштабная антирелигиозная пропаганда, которая предполагала замену религии на атеизм в массовом сознании. Агностики и неверующие активно включались в атеистическую пропаганду, но большинство мероприятий не имели результата. Для понимания современного этапа взаимодействия науки и религии особую важность приобретает осмысление процессов перестройки, в рамках которых произошла трансформация общественного сознания.

Изучение данных процессов требует использования нового подхода, который позволит расширить понимание источников. С каждым годом все большую популярность приобретают исследования дискурсов. Предполагается, что тексты формируются говорящими или пишущими в определен-

ных социальных условиях (практиках, событиях). Дискурс является целостным, социально обусловленным образованием, при этом он не отделим от естественного языка. Анализ дискурсов подразумевает объяснение обусловленности высказываний, позволяет установить связь между социальными практиками и социально-историческим контекстом.

Особый интерес в рамках исследования дискурсов о науке и религии представляет научно-популярный журнал «Наука и религия». В нем представлены различные жанры публикаций – информационные (интервью, репортаж, сообщение), аналитические (статьи, корреспонденция, обзоры) и художественно-публицистические (очерк). Материалы отличает постоянное сравнение науки и религии, которое демонстрирует разницу мировоззрений относительно реалий окружающего мира. Коммуникативным кодом источника является официально-деловой стиль языка, что является результатом редакции текстов. Это затрудняет их анализ с точки зрения особенностей построения высказываний, не дает возможность оценить переживания коммуникаторов. Актуальность тем дискурса может быть измерена частотой появления текстов или высказываний на страницах журнала. Анализ публикаций дает возможность проследить и выявить особенности трансформации дискурсов науки и религии.

Можно выделить три вида дискурсов, представленных в журнале: атеизм (научный атеизм и атеистическая работа), религиоведение и наука. Дискурсы не имеют четких границ, формируя в точках пересечения новые тематики. Такой является дискурс о вере, который можно отнести ко всем перечисленным. Коммуникаторами выступают партийные работники и ученые. С середины перестройки в рамках немногочисленных писем – верующие. Реципиентами являются читатели журнала, аудитория разнородна по составу. Ситуации коммуникации обусловлены ситуациями чтения источника в соответствии с периодичностью выхода журнала.

В разрезе дискурсов, в журнале представлены модели поведения акторов государственно-конфессиональных отношений: «социально-пассивная» и «социально-активная» (верующие, партийные работники), «адаптивная» (трансформация сознания – новообращенные верующие, партийные работники «новой формации», религиозные организации). В периоды социальных перемен может наблюдаться синтетический тип мировоззрения, при котором одни компоненты еще не закончили своего существования, он формирует – «переходную» модель (те, кто не сформировал свое отношение к религии, «невоцерковлённые верующие»). Представленные модели сконструированы в рамках концепций социального действия, расширены с учетом дискурсивных практик и процессов изменения общественного сознания.

Ключевым элементом религии является религиозная вера, поэтому в журнале этому вопросу уделено значительное внимание. В одном из номе-

ров за 1985 год появилось несколько статей, посвященных трактовке понятия «вера» западными и отечественными религиоведами. По мнению религиоведа П. Джонсона, вера является необходимым свойством человека: «Очевидно, *существует естественная тенденция верить. Каждый является верующим. Не все верят в одно и то же, но все верят во что-нибудь*». Отечественный философ Д. Угринович отреагировал на это высказывание следующим образом: «*Социальный смысл* подобных высказываний состоит *в том, чтобы затушевать различие между религиозной и нерелигиозной верой, представить всех людей религиозными*. При этом некоторые *религиоведы пытаются научное знание изобразить как особый тип веры, то есть замаскировать социально-психологические различия между знанием и верой*. Так, американские социологи Д. Борэк и Р. Каррис уверяют, что *наука – это одна из систем верований, что в основе любых эмпирических знаний лежит вера* и т.п.» [8]. В современном религиоведении в отношении индивида используются два понятия: верующий и религиозный человек, которые являются дискуссионными. Принимая точку зрения, описанную в текстах, в их выделении заключается принципиальный для исследования религии момент. Религиозный человек – включен (хотя бы формально) в религиозную группу, ведет религиозную деятельность, при этом уже априори является верующим. Понятие «верующий» может использоваться в отношении любого человека, принимающего «на веру» предлагаемые объяснения существующего мира: вера в НЛО, эзотерические течения и т.д. Следуя данной логике, вполне возможна вера в современные научные концепции, например, в существование экзопланет (сам факт их возможности, теорию, методики расчета их существования, компьютерное моделирование их облика и проч.), которые мы, возможно, никогда не увидим своими глазами. Однако во времена атеистической пропаганды такой подход к трактовке понятий «вера», «верующий» был исключен. Высказывание сконструировано в рамках модели активного поведения атеиста, который против любого упоминания религии или ее элементов.

Второй принципиальный момент – рамки научного познания и процесс научного поиска от зарождения идеи исследования до получения конкретных результатов. Что двигает исследователем от момента появления исследовательского замысла до установления научной истины? Именно об этом читаем в интервью с профессором Ю.Ф. Борунковым: «В современную эпоху, когда наука стала важнейшей производительной силой, *механизм превращения знаний в деятельность чаще всего функционирует без участия веры. Особенно это относится к познанию законов природы и их производственному, практическому применению*» [8]. Таким образом, получается, что религиозная вера противоречит знанию, а безрелигиозная (научная) нет. Профессор разделяет «предмет веры» и «объект

веры», предмет может не совпадать с объектом. Знание – безусловное, а вера является иллюзорным, гипотетическим. Знание может не воздействовать на поведение человека, а вера, как эмоциональное восприятие мира, обязательно воздействует на человека и его поведение. Безрелигиозная вера несет в себе крупицы истины, это – лишь этап, она либо отмирает, либо превращается в знание. Религиозная вера означает «познание» божественной сущности.

Размышления на эту тему встречаем в интервью с В. Тендряковым: «Оказывается, *каждому* в той или иной степени *присущи два вида веры: одна порождается нами самими в процессе мышления, другая привносится со стороны в процессе общения. Первую по праву можно назвать творческой верой, вторую – верой общения или бытовой*, так как она цементирует быт, упрощая отношения друг с другом, делая их более оперативными. *Творческая вера, как правило, преходяща, выполнив свою задачу, она умирает. И ее смерть плодотворна, через нее рождается знание... Бытовая вера вовсе не лишена стабильности. Мы можем всю жизнь неизменно верить в какие-то положения, передавать свою веру детям. Религию сердито упрекают в обмане, указывая на несовместимость религиозных догм с научными истинами, но не замечают, что она несет в себе и нравственный обман... Религиозная вера есть «признание чего-либо истинным с такою решительностью, которая превышает силу внешних фактических и формальнологических доказательств»* [6]. В этом случае также возможно провести параллели с размышлениями о вере научной и религиозной. Творческая вера есть научная вера в процессе поиска, а бытовая – религиозная, укоренившаяся в повседневных практиках. Высказывание в большей степени относится к активной модели поведения в духе научного атеизма, демонстрируется новый подход к трактовке веры с негативной оценкой веры религиозной.

Особый оттенок тема приобретает в контексте контрпропаганды теологии. Имея дело с религиозными текстами, она вырабатывала свою методологию и методику анализа источников, подкрепленную религиозными нормами. Поэтому результаты теологических исследований подвергались жесткой критике: «С тех пор как человек стал осознавать себя, он начал задаваться вопросом: что же такое окружающий его мир? *Многие тысячелетия ответ на него стремились дать различные религиозные системы, рисовавшие превратную, неверную картину мироздания... Между тем развитие научного знания убедительно показывает: мир совсем не такой, каким его толкуют священные книги... Современные теологи, пытаясь как-то согласовать иллюзорные религиозные представления с научной картиной мира, стремятся все пока непонятное, таинственное в ней, непознанное истолковать как проявление сверхъестественного. Однако неумолимое развитие научного знания всегда дока-*

зывает: в природе все можно объяснить реальными причинами...есть еще немало людей, у которых представления о мире сформировались стихийно. В их сознании уживаются верные взгляды с неправильными, иногда даже с религиозными» [1]. В цитате четко прослеживаются две позиции. Первая касается псевдонаучности теологии, вторая – указывает на стихийность формирования сознания масс. Причем взгляды представлены автором как правильные, неправильные и религиозные, которые, совершенно не вписываются в атеистическую картину мира. Такая подача материала создает канву для трактовки теологической информации читателями журнала, формирует восприятие этой области исследований.

В период перестройки активно дискутировались вопросы не только о моральном облике религии, но и науки. Обсуждалась тема социальной нравственности, ответственности исследователей перед обществом. Проблемы цензуры религиоведческих исследований представлены в статье социолога Е. Кублицкой: *«... полученный эмпирический материал при отсутствии общего информационного центра не обобщался и не систематизировался...когда эмпирические данные не совпадали с идеологическими клише, ...их решительно сбрасывали в корзины соответствующих канцелярий или укрывали броней сейфов...» [4].* Цитата представляет собой описание будней советского ученого-религиоведа, чьи научные изыскания были загнаны в рамки марксистско-ленинской идеологии и подвергались жесткой цензуре. В особенности, это касалось результатов социологических исследований, оперировавших точной статистической информацией. Необходимо также учитывать, что в период перестройки гуманитарные науки переживали методический кризис, а религиоведение критиковалось за недостаточный учет потребностей общества в новых религиозных исследованиях. Социолог демонстрирует модель активного поведения на волне социальных перемен, что характерно для начала 1990-х годов.

Невзирая на значительные послабления со стороны государства, некоторые исследователи боялись прямо и открыто критиковать сложившиеся на тот момент подходы к анализу феномена религии и веры в советской науке. Взамен результатов своих исследований, они цитировали зарубежных исследователей, работы которых критиковали. Один из таких аналитических обзоров на западные исследования религии: *«Одним из наиболее примечательных явлений в последнее десятилетие стало возрождение религии, охватившее весь мир... 80-е годы могут войти в историю как десятилетие религиозного возрождения (последнее, что могло бы прийти в голову экспертам, предсказывающим специфику космического века)... Вопреки всеобщим ожиданиям, будто прогресс науки вызовет угасание религии, наука сама обращается к религии и принимает представление о сверхъестественном в форме явлений психики» [7].* Данное

высказывание принадлежит Д. Ханту автору работы «Взрыв культов» (1980 год). В своей книге он прогнозирует дальнейшее развитие религиозных верований. Цитата приведена в контексте информации о сайентологии – новом религиозном движении, которое считается экстремистским. Таким образом, автор хотел приписать советей цитате такой же негативный образ, как и у представленного религиозного течения. Высказывание демонстрирует, что в зарубежных исследованиях дискуссия о вере, связи науки и религии существовала уже давно.

Негативный оттенок имеет взаимодействие науки и религии на примере болезни: *«История этой болезни – один из наглядных примеров того, как религиозный фанатизм, темнота и невежество приводили людей к массовой гибели и как наука, постепенно разбираясь в причинах страшной инфекции, начала с ней и с суеверными о ней представлениями борьбу, увенчавшуюся успехом»* [3]. В этих словах видна не только критика религиозного мировоззрения, но и поведенческая модель пишущего – воинствующего атеиста. В том же ключе рассматривался спор ученых философов и математиков с теологами о вероятностях. Для ученых – они просто случай, для верующих и теологов – провидение. Верующий искренне полагает, что все события в его жизни не случайны [2]. В любом случае теология рассматривается как лженаука наравне с религиозными предрассудками.

В связи с тем, что воинствующий атеизм дискредитировал себя, а соответственно и атеистическую нравственность на страницах журнала был поднят вопрос о нравственности науки: *«Научно-технический прогресс не принесет счастья, если не будет дополняться чрезвычайно глубокими изменениями в социальной, нравственной и культурной жизни человечества. Внутреннюю духовную жизнь людей, внутренние импульсы их активности трудней всего прогнозировать, но именно от этого зависит в конечном итоге и гибель, и спасение цивилизации»* [5]. Активно обсуждалась эта тема с середины 1980-х годов, особенно в контексте применения ядерного оружия и атомной энергетики, что, по-видимому, связано с катастрофой на Чернобыльской АЭС. Вице-президент АН СССР К.В. Фролов предложил, что возврат интереса к религии возник в результате создания атомного оружия: «Процесс познания нельзя остановить, но есть и такие грани, которые переходить не нужно» [9].

Анализ материалов журнала показал близость дискурсов, которая обусловлена наличием общих элементов мировоззрений. В рамках науки и религии таким компонентом является тема веры. Дискурс о научной вере представляется попыткой снизить градус критики религии за счет демонстрации близости мировоззрений.

Объектом научной веры выступают некие теоретические и практические доказательства истинности знаний об окружающем мире и человеке.

Они существуют в рамках определенных научных концепций и могут противоречить другим концепциям или парадигмам. Невозможность науки объяснить большинство явлений реальности приводит к тому, что человечество может «принимать на веру» положения, пока они полностью не будут доказаны. Религия также упорядочивает социальную реальность, предлагая другой набор доказательств, которые изложены в религиозных текстах, подкреплены существованием артефактов. Таким образом, и религия, и наука имеют поле взаимодействия, объясняют одни и те же реалии, опираясь на разные системы доказательств.

Тексты представлены разнообразными жанрами, коммуникаторами в которых выступают ученые двух типов поведения – активные агитаторы атеизма, который ещё присутствовал в общественной жизни, и активными новаторами, формировавшими дискурсы в соответствии с требованиями времени. Дискурсы отличает формальный коммуникативный стиль, что обусловлено спецификой источника.

Библиографический список

1. Ассовская, А. Иерархия вселенной / А. Ассовская // Наука и религия. – 1985. – № 5. – С. 29–32.
2. Габинский, Г. Покушение на чудо / Г. Габинский, В. Лобачёв // Наука и религия. – 1987. – № 1. – С. 12–16.
3. Грекова, Т. Заморская гостья / Т. Грекова, К. Токаревич // Наука и религия. – 1985. – № 1. – С. 43–44.
4. Кублицкая, Е. «Общество массового атеизма» глазами социолога / Е. Кублицкая // Наука и религия. – 1990. – № 1. – С. 34–35.
5. Сахаров, А.Д. Мир через полвека / А.Д. Сахаров // Наука и религия. – 1990. – № 5. – С. 3.
6. Тендряков, В. Нравственность и религия / В. Тендряков // Наука и религия. – 1987. – № 3. – С. 5–7.
7. Тимошин, Л. Сайентология: фантастику в бизнес / Л. Тимошин // Наука и религия. – 1985. – № 2. – С. 59–62.
8. Угринович, Д. Вера безрелигиозная и религиозная / Д. Угринович // Наука и религия. – 1985. – № 2. – С. 12–15.
9. Фролов, К.В. За гранью науки – наука... / К.В. Фролов // Наука и религия. – 1988. – № 12. – С. 6–8.

[К содержанию](#)